

ПСИХОЛОГ И ЛИТЕРАТУРА

Леонид Абрамович Пергаменщик

Знакомство с моим учителем Яковом Львовичем Коломинским началось заочно с его книги «Человек среди людей». Книга в издательстве «Молодая гвардия» вышла в 1973 году [1]. В этом же году я завершил учебу в БГУ имени В.И. Ленина. В приложении к диплому о высшем образовании была дисциплина – психология. Психологию нам читала Елена Павловна Ерься – беззаветно преданный образованию человек, у которой психология и ее студенты составляли, как я бы сейчас сказал, единый и единственный смысл жизни. Психология – это наука о человеке, так я догадался в начале курса. Нет, такого определения не было в единственно тогда доступном учебнике под редакцией А. А. Смирнова, Б. М. Теплова, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева [2]. Безусловно, эта наука изучала существо говорящее, думающее, делающее.... Другими словами, немного и меня. Но почему мне было так скучно на лекциях по психологии? Почему законы мышления, памяти, эмоций, представлений, восприятий – список можно продолжить – меня не увлекали, и я точно решил, что кем-кем, а психологом я никогда не буду.

Первое, что бросается в глаза при чтении упомянутой книги Коломинского Я. Л. – обилие писателей. В книге около 30 писателей первой величины: ни одной проходной фигуры, за которые было бы стыдно годы спустя: Гоголь и Баратынский, Бредбери и Жюль Верн, Вознесенский и Евтушенко, Пушкин и Гоголь, Горький и Шагинян, Маяковский и Заболоцкий, Крылов и Тютчев, Жорж Санд и Экзюпери, О'Генри и Ремарк...

– Вы имеете литературное образование? – задал я вопрос Якову Львовичу.

– Нет, – последовал ответ.

– Зачем же психологу так много литературы? – спросил я. (Видимо, для иллюстрации психологического материала ответил я сам себе). И это меня успокоило на некоторое время. Литература, как я решил тогда, может и должна выполнять иллюстративную функцию для серьезной науки – психологии.

И вот прошло много лет, и я опять пробую взглянуть на место литературы в психологии, оценить свой ответ себе на заданный Якову Львовичу вопрос, после встречи с книгой моего учителя.

Теперь я уверен, что художественная литература может гораздо больше дать психологии, чем просто участвовать в оформлении научного текста. Она может сама стать частью научного текста. Художественная литература нередко даже может то, что не в состоянии реализовать научная психология. И это мнение разделяют сегодня многие.

Проблема взаимоотношения психологии и литературы в последние годы стала обсуждаемой темой [3; 4], а в статье «Психологическое лицо литературы» М. А. Степанова выделила четыре возможных союза психологии литературы [5].

1 *Научно-психологический анализ художественной литературы.* В этом случае сама литература является объектом психологического исследования. Она «поставляет материал, факты, а психология выступает в роли объяснительной науки, которая интерпретирует... художественное произведение» именно как произведение искусства [6, с. 111]. Классический пример подобного исследования – «Психология искусства» Л. С. Выготского.

2 *Использование материала литературы в иллюстративной функции.* Психологи часто приводят примеры из художественных произведений, которые конкретизируют и как бы служат эмпирическим подтверждением их общих соображений. Приме-

ры эти столь многочисленны, что не имеет смысла здесь их приводить.

3 Анализ жизненного материала, представленного в литературном произведении, рассматривается как полноценный метод психологического исследования. Этот подход предложил Б. М. Теплов, исходящий из убеждения, что «художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология...» [7, с. 306].

4 Четвертый подход характерен для ряда работ В. П. Зинченко, который, *находит и в поэзии, и в прозе психологическое решение психологических проблем*, рассматривая искусство как символический язык души. В последний период своей жизни он работал над созданием Поэтической антропологии, которая предполагала слияние психологии и поэзии [8].

Среди выделенных направлений наименьшее теоретическое обоснование возможности использования литературы в психологии имеет подход, предложенный Б. М. Тепловым в 1946 году. Основное содержание его небольшой статьи состоит из завещания потомкам и анализа двух произведений А. С. Пушкина под углом зрения проблем личностного развития. В первом фрагменте своей работы Теплов обращается к тексту трагедии «Моцарт и Сальери» для рассмотрения того, к чему приводит узкая направленность личности, как искажается, уродуется способный и трудолюбивый человек, посвящая себя исключительно искусству и лишая себя полноты жизни. Второй фрагмент содержит анализ становления характера героини романа «Евгений Онегин» как долгого и трудного процесса преодоления себя, выработки жизненных ценностей, самовоспитания в соответствии с обретенными принципами.

Анализ художественной литературы обычно не укладывается в число методов психологического исследования, — пишет Б. М. Теплов в 1946 (1947?) году. Пишет с сожалением и одновременно в его тоне слышится уверенность, что ситуация

должна безусловно измениться к лучшему. Он делает принципиальный вывод: «...художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология» [7, с. 306]. Б. М. Теплов формулирует для следующего поколения психологов две задачи: развернуть доказательства тезиса о наличии научных материалов в литературе (задача методологическая) и разработать принципы научно-психологического использования данных художественной литературы (задача методическая).

Теплов признается, что ни первая, ни вторая задачи не были решены в те далекие послевоенные годы. Проблему становления (развития) личности он изучал, как я отмечал выше на материале пушкинских произведений: «Евгений Онегин» и «Моцарт и Сальери». По этому поводу Теплов писал так: «Раньше, чем сочинять теорию плавания, полезно попробовать поплавать практически». Роман Пушкина, с его точки зрения, позволяет проследить развитие характера Татьяны на протяжении десятилетий, а трагедия «Моцарт и Сальери» описывает героя в предельной ситуации подведения жизненных итогов, которая в действительной жизни с трудом может стать предметом научного исследования.

Завещание Теплова опубликовано спустя двадцать пять лет после написания, но задача так и не была реализована, равно как и не сделано серьезных шагов в этом направлении.

Может быть, и нет никаких оснований для использования текста художественной литературы для описания личности? Почему мы должны доверять писателю и брать его выводы как обоснованные, надежные?

Правда, на сходство литературы и психологии в познании человека указывал Л. С. Выготский: «Существеннейшая особенность человека, в отличие от животного, заключается в том, что он вносит и отделяет от своего тела и аппарат техни-

ки и аппарат научного познания, которые становятся как бы орудиями общества. Так же точно и искусство есть общественная техника чувства, орудие общества, посредством которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа» [4, с. 316–317]. Для нас важно утверждение Выготского о том, что искусство, вовлекая самые интимные, самые личные стороны человека, не только познает его, но и поставляет результаты познания в круг социальной жизни, т. е. искусство свои результаты передает жизни, так поступает и наука психология. Но этого сходства явно недостаточно, пока не прояснено, как они (искусство и наука) познают и как представляют результаты своего познания, и почему мы можем психологию и литературу располагать если не вместе, то хотя бы рядом.

Так все же, что за механизм творчества у писателей? Как они добывают информацию о поведении, эмоциональном мире своих героев, откуда они знают, о чем думают, как переживают те события жизненного пути, куда их собственно и заманил писатель?

Ответ на эти вопросы попытаемся найти в текстах М. М. Бахтина – выдающегося русского философа, литературоведа и психолога. Работа «Автор и герой в эстетической деятельности» [9] станет предметом нашего предварительного анализа. Эта работа задумана и во многом выполнена им в годы его пребывания в Витебске с 1920 по 1924 годы.

Три области человеческой культуры – наука (психология в нашем случае), искусство (литература) и жизнь обретают единство только в личности [7], которая приобщает их к своему единству. Что гарантирует внутреннюю связь элементов науки, искусства, личности? Только единство ответственности, взаимная ответственность друг за друга.

За то, что я пережил и понял в искусстве, пережил и понял в науке, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережи-

тое и понятное не осталось бездействовать в ней. С ответственностью связана и вина. Не только взаимная ответственность жизни и литературы, жизни и науки (психологии) но и вину друг за друга. Ученый (писатель) должен помнить, что в прошлой прозе жизни виновна и его (литература) наука, а человек знает, что в бесплодности науки (литературы) виновна его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов.

Литература может, конечно, сослаться на вдохновение, психология на научность, когда та и другая игнорирует жизнь в своих текстах. Игнорирование жизни есть не вдохновение, а одержимость, ни к вдохновению, ни к научности не имеет никакого отношения.

Правильный смысл всех старых вопросов о взаимоотношении искусства и жизни, науки и жизни в том, что литература (психология) и жизнь взаимно хотят облегчить свою задачу — снять ответственность, чтобы легче творить, изучать, не отвечая за жизнь и легче жить, не считаясь с данными искусства и науки.

Принципиальная основа отношения автора к герою всегда имеет творческий, продуктивный характер и герой приобретает свой лик лишь в нашем отношении к нему. Исходный тезис М. М. Бахтина относительно позиции автора в художественном творчестве (познании) он определил через категорию «внеаходимость».

Внеаходимость есть нераздельное единство вживания в предмет — и сохранения позиции вне его, сохранении своей точки зрения на этот предмет. Внеаходимость определяется как двуединство этапов познания личности академическим писателем. Механизм внеаходимости Бахтин изложил следующими словами. «Я должен вчувствоваться в этого другого человека, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место и затем, снова вернувшись на свое,

восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его, обрамить его, создать ему завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства» [9, с. 24].

Итак, познавательная деятельность писателя по изучению человека состоит из двух этапов: на первом этапе происходит процесс вживания, на втором этапе, писатель, возвращаясь на свое место, с неким избытком того, что он получил в процессе вживания. Эстетически-познавательная деятельность писателя начинается с вживания, но благодаря вневходимости, вернувшийся «на свое место» автор обретает некий «избыток видения», которого не может дать вживание само по себе. На первом этапе вживания исследуется конкретный жизненный кругозор этого человека так, как он его переживает, но со своего места человек не переживает всей полноты своей внешней напряженности (лицо, поза, экспрессия страдания, не видит фон своего существования). Представим технический аппарат вживания и оформления результатов вживания как синтеза диспозиционной и ситуационной составляющих познавательной деятельности писателя.

Технический аппарат вживания состоит из:

- вживания без потери своего места, что бесполезно и бессмысленно;
- переживания страдания как его страдания, в категории другого;
- отнесения пережитого к другому, что есть обязательное условие продуктивного вживания и познания как этического, так и эстетического.

Технический аппарат оформления результатов вживания включает в себя:

- восполнение материала вживания (страдание данного человека) моментами, трансгredientными всему предметному миру его страдающего сознания;
- через новую завершающую функцию учитывается: положение тела, которое сообщало нам о страдании, вело нас к его внутреннему страданию, которое становится теперь чисто пластической ценностью, выражением, воплощающим и завершающим выражаемое страдание;
- внешний фон (например, голубое небо, его обрамляющее, становится живописным моментом, завершающим и разрешающим его страдание).

Художественный образ как результат познания позволяет нам при чтении воссоздавать внутренний мир героя, вынуждая нас со-переживать ему, получать в этом сопереживании не просто отвлеченные объективные знания о тайнах и возможностях человеческой души, но драгоценный опыт собственной причастности к ним. Важно, что процесс переживания не означает потерю самого себя, иначе процесс познания на этом прерывается. Следует особо отметить, что процесс сопереживания, – это то, к чему академическая психология относится настороженно, нередко, считая чем-то излишним, ненужным или даже вредным для объективности научного познания.

Мы завершили краткий анализ понимания ученого Бахтина процесса получения знаний о личности писателем. Убедил ли я читателя в том, что литература действительно имеет все основания быть источником для академической психологии? Подошли ли мы к выполнению завещания Б. М. Теплова?

Еще одна особенность академической психологии задерживает ее обращение к литературе как богатому источнику информации. Это своеобразное понимание объективности. Современная психология выдвигает и последовательно отслеживает принцип «объективности» психологии, который отличается

не внеаходимостью, а отстраненностью, не включенностью в жизненную ситуацию человека исследуемого, а принципиальную исключенность из нее.

Положения Бахтина о ситуации внеаходимости и двух этапах познания позволяют другому (человеку на которого направлена активность познания) стать любимым, стать «всеми», тем самым открывает путь к познанию универсальности душевной жизни, то, что достигается в научной психологии в количественной парадигме множественностью испытуемых и приведением к среднему по группе с надежной вернуться к индивидуальной личности.

Возможность использования положения о внеаходимости М. Бахтина демонстрирует «понимающая психология». Этот подход оформлен и описан в книге Ф.Е. Василюка «Психология переживания» – книге, ставшей культовой для нескольких поколений психологов [11]. Обратим внимание на ту ее часть, где активно и показательно используется материал романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Ф. Е. Василюка первоначально смущает тот факт, что объектом анализа является не реальный человек, а литературный персонаж. Какую доказательность имеют данные такого анализа? Какого ученого психолога может убедить эти литературные данные. Может ли ученый в принципе рассчитывать на выявление реальных, психологических закономерностей, например, в силу реализма изображения? Можно ли надеяться, что писатель, не выходя за пределы психологической достоверности в изображении действий и переживаний, не исказит психологических законов, т. е. можно ли зафиксированное в тексте рассматривать как психологическую реальность?

Исследуя психологические закономерности поведения персонажей, мы реконструируем реальность или всего лишь предлагаем взглянуть на мнения писателя об этой реальности?

Василюк решается рассмотреть исследование «переживания Раскольникова так, как будто он имеет дело с реальным человеком, определенный отрезок жизни которого, добросовестно описан писателем» [11, с. 11]. Само исследование Ф. Е. Василюка позволяет рассеять высказанные им сомнения и продемонстрировать возможности метода, о котором размышлял Б. М. Теплов, а также с особой отчетливостью выявить ту область психологии, где его применение особенно продуктивно и необходимо.

Что это за область, которую так внимательно анализировал Ф. Е. Василюк, используя героя романа Ф. М. Достоевского? Это область личностного становления, которая так трудно поддается эмпирическому анализу, и где в силу разных причин как временного, так и этического характера ограничен эксперимент. В классических литературных произведениях человек «испытывается» в различных, часто – критических жизненных обстоятельствах или же там прослеживается жизненный путь героя в течение длительного времени. И это можно рассматривать как своеобразный эксперимент автора, который дает нам возможность заглянуть туда, куда заказан вход экспериментальной психологии, что позволяет психологу исследовать процессы, ускользающие от всех прочих методов нашей науки.

Это существенно расширяет территорию психологического исследования душевных страданий человека в сложных, драматических жизненных ситуациях его жизненного пути.

В анализе ряда гуманитарных проблем: психической травмы и личностного роста, оцепенения и переживания горя, поиске кода выживания, преодоления тревоги экзистенциальной вины и в решении других проблем кризисной психологии литература оказывала, и, я надеюсь, будет оказывать неоценимую помощь. Именно поэтому для работы с данными

сторонами человеческой жизни, с трудом, поддающимися традиционным психологическим методам, мы используем художественную литературу – нашего верного союзника в понимании поведения человека в сложных жизненных ситуациях [12–15].

Литература

1. Коломинский, Я. Л. Человек среди людей / Я. Л. Коломинский. – М. : Молодая гвардия, 1973. – 240 с.
2. Психология : учебник для педагогических институтов ; под ред. А. А. Смирнова (гл. ред), А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова. – М. : Гос. Уч. пед. Изд-во Минпросвещения РСФСР, 1956. – 575 с.
3. Саврушева, М. Философия науки и техники : учеб. пособие для магистрантов / М. Саврушева. – Омск, 2013. – 120 с.
4. Серебряная, М. Я. Художественная литература как метод научно-исследовательской работы / М. Я. Серебряная // Библиосфера. – 2015. – № 1. С. 15–20.
5. Степанова, М. А. Психологическое лицо литературы / М. А. Степанова // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С.109 – 122.
6. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М. : Искусство, 1986. – 573 с.
7. Теплов, Б. М. Заметки психолога при чтении художественной литературы / Б. М. Теплов // Избранные труды. – М. : 1985. – Т. 1. – С. 306–312.
8. Зинченко, В. П. Посох Манделъштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии / В. П. Зинченко. – М. : Новая школа, 1997. – 336 с.
9. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445с.
10. Чхарташвили, Г. Жизнь и смерть Юкио Мисимы, или как уничтожить храм / Г. Чхарташвили // Золотой храм : роман, новеллы, пьесы / Ю. Мисима. – СПб. : Северо-Запад, 1993. – С.5–30.
11. Василюк, Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
12. Пергаменщик, Л. А. Психотерапия Л. Н. Толстого / Л. А. Пергаменщик // Адукацыя і выхаванне. – 1993. – № 10. – С. 25–33.
13. Пергаменщик, Л. А. Психическое оцепенение как разрыв непрерывности бытия / Л. А. Пергаменщик // Московский психотерапевтический журнал. – 2009. – № 1. – С. 99–111.

14. Пергаменщик, Л. А. «Психологическая лаборатория» А. И. Солженицына / Л. А. Пергаменщик // Культурно-историческая психология. – 2013. – № 1. – С. 45-50.
15. Пергаменщик, Л. А. Лаборатория Кафки. Тревога экзистенциальной вины // Психологический код выживания : монография / Л. А. Пергаменщик ; под науч. ред. Л.А. Пергаменщика ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, БГПУ им. М. Танка. – Брест : БрГУ, 2015. – С. 201-213.